Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян

Загадка Еремея Парнова, или что умел стекольщик Фрол

Вот был такой писатель Еремей Парнов. Сейчас мало кто его помнит. Родился он в Харькове в 1935 году, умер в Москве в 2009. Справочники сухо сообщают, что в 1959 году он окончил Московский торфяной институт, защитил кандидатскую диссертацию по химии. Потом стал пробовать себя в беллетристике, и «фантастико-приключенческая» (как её называл сам автор) проза Парнова получила некоторую известность. Особенно же один полудетективный роман для среднего и старшего возраста (опубликованный в 1975 году), который назывался «Третий глаз Шивы».

Именно на этом глазе остановимся подробнее. Там в романе расследуются разные загадочные преступления, к которым каким-то образом примешана индийская мистика. В романе три части: первая называется «Скамбха – основа мира», вторая – «Санкхья – перечисление», а третья – «Самсара – круговорот бытия».

Допускаем, что в этом месте читатель уже несколько раз спросил мысленно, а при чём тут, собственно, это всё? Ещё минуту терпения. Видно, что замаскированный под специалиста по торфу Еремей Парнов не чужд гуманитарных знаний в самых разных (в том числе и не совсем тривиальных) областях. И вообще человек очень не простой. Имея это в виду, откроем его роман «Третий глаз Шивы» на самой первой странице и начнём читать самую первую главу. Она называется «Стекольщик». Цитируем подряд, без пропусков:

Домушник Фрол Зализняк, по кличке Стекольщик, слыл консерватором. Брал он, как правило, дачи и всегда одним и тем же испытанным способом: через окно. Отыскав достойный объект, Стекольщик приступал к дотошному его изучению. Через неделю-другую он уже знал все привычки безмятежных обитателей отмеченного роком дома. Оставалось лишь улучить благоприятный момент, когда дача окажется без присмотра. Стекольщик отличался завидным терпением и никогда не торопил события. Богатейший жизненный опыт подсказывал ему, что рано или поздно подходящая ночь – надо ли говорить, что это было его излюбленное время суток? – неизбежно придёт. В считанные лихорадочные минуты, проведённые под чужой кровлей, флегматичный и обстоятельный Стекольщик преображался. Он становился быстрым и точным, словно хирург, которому предстоит в считанные минуты проделать привычную операцию. Пока подручный стоял на стрёме, или, как говорили в годы постижения юным Фролом тайн ремесла – шухере, Стекольщик любовно обрабатывал заранее намеченное оконце. Он быстро вынимал тяжёлое, таинственно поблескивающее в ночи стекло, бережно передавал его подоспевшему на тихий свист корешу и ужом пролезал в комнату. Минут через пять он уже выкидывал из окна барахло. Потом начиналось настоящее дело, которому Стекольщик предавался с истинным упоением. Спрыгнув бесшумно с последним узлом вниз, он тоненькой, до блеска отполированной стамесочкой принимался счищать с пазов старую замазку. Затем разворачивал завёрнутый в клеёнку клейкий, добротно замешанный на олифе колоб и аккуратненько вставлял стекло на старое место. Кто возьмется судить, почему он так поступал? Может быть, потому, что был, повторяем, консерватором и педантом, любил в деле чистоту.

Думаю, всякий, впервые увидевший эти строки, испытает такое же немое изумление, как и мы. Но кто знает, может быть, этот текст и вовсе канул бы в Лету и был забыт навсегда, если бы он не вошёл в Национальный корпус русского языка, достоинства которого и Андрей Анатольевич не раз признавал, как устно, так даже и письменно. А корпус сохраняет всё. Или почти всё. Особенно слова́.

Итак, перед нами загадка. Почему Фрол носит такую фамилию? И более того, почему он ведёт себя так, как это свойственно далеко не всем носителям этой фамилии – а может быть, даже, только одному-единственному? Фрол – истинный профессионал, причём достигает профессионализма он именно в той области, которая наиболее трудна, не зря же его несколько раз называют консерватором (явно вкладывая в это положительную, а не отрицательную оценку). Он делает то, чего никто другой сделать не может – и, скорее всего, даже не возьмётся сделать. Все остальные годятся только на то, чтобы стоять на стрёме да ловить из рук героя добычу. А наш герой только с виду флегматичен – в работе он преображается. Он становится «быстрым и точным». Лучше не скажешь! Кроме того, он патологически аккуратен. Он в принципе не способен оставить после себя даже малейшего кусочка старой замазки. Работа должна быть сделана безупречно. Ну, и множество, множество других деталей… Не говоря уж о весьма заметном присутствии важнейших санскритских понятий, вплетённых в композицию романа…

Что знал Еремей Парнов? Мог ли он случайно выдумать такую фигуру, как виртуоз-консерватор Зализняк с «до блеска отполированной стамесочкой», да ещё на древнеиндийском фоне? Так сказать, осуществить создание своего героя путём случайной имитации? Как писал по этому (или почти по этому) поводу сам Андрей Анатольевич, «никаких примеров интуитивной имитации такой неимоверной степени сложности история не знает». Хотя, конечно, как говорил по этому (или почти по этому) поводу другой наш великий современник, всегда можно предположить, что существовал некоторый общий античный источник…